

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

DOI: 10.7256/2070-8955.2013.7.9122

МЕХАНИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

Аннотация. Французский социолог Алексис Токвиль, изучая еще в позапрошлом веке поведение американских фермеров, неожиданно обнаружил, что в сознании многих из них укоренились прочные стандарты, которые легко можно было принять за результат пропагандистского воздействия. Однако в самом содержании печати, доступной этим фермерам и популярной среди них, эти представления («иллюзии») не распространялись. Откуда они взялись? Каким образом откристаллизовались? Автор статьи пытается раскрыть механику появления этих иллюзий. Отвлеченно-рационалистические предпосылки, на базе которых традиционно изучалось движение к истине, здесь особого света не проливали. Предстояло описать какие-то новые механизмы духовной жизни людей. Ницше полагал, что превратные представления, духовные штампы нужны человеку, он испытывает в них психологическую потребность. Но он считал, что «потребитель» пропаганды лишь усваивает эти идеологические стандарты, а не создает их. А тут получалось, будто «иллюзии» живут в сознании индивида «сами по себе», независимо от пропаганды, и даже тиражируются (Токвиль ведь недаром обратил внимание именно на распространенность сходных духовных образований). Как же они формируются?

Ключевые слова: психология, мифология, пропаганда, предрассудки, духовные штампы, заблуждения, массы, манипуляция, идеология, рациональность.

Заметим, что предрассудки, обнаруженные А. Токвилем, совсем иные, чем, скажем, «идолы» Бэкона. У Токвиля речь шла об эмпирически выявленных массовых заблуждениях, о своеобразной активности предрассудка. В частности, он говорил о расовых предубеждениях, окрашенных ненавистью к «цветным». Просветители не сталкивались с такого рода проблемами: они были уверены, что иллюзии носят временный и непрочный характер. Единственным средством формирования стабильных воззрений мыслители XVIII в. считали «просвещение», т.е. постоянное и целенаправленное духовное воздействие на массу. Никаких «врожденных» заблуждений они вообще не обнаруживали.

Наблюдения Токвиля показывали, что коллективные представления складываются на основе каких-то неразгаданных закономерностей, спонтанно. Становилось очевидным, что суждения массы далеко не всегда являются продуктом воздействия извне, со стороны социальных институтов или средств массовой пропаганды. В силу своей классовой ограниченности западные социологи не могли разглядеть за этими фактами роли социального опыта трудящихся, всего жизненного контекста, формирующего сознание различных общественных групп; они не сумели понять, что коллективные представления людей формируются под влиянием многочисленных факторов — экономических, политических, культурных.

Но, так или иначе, в западной социологии важное место заняла тема «массы».

Социологи стали доказывать, что капиталистическое общество превратилось в аморфное образование, составленное из разрозненных индивидов. В этом смысле «масса» понималась как нечто противоположное классу. Само общество оценивалось при этом не как реальный социально-исторический организм, а как некая целостность, сложившаяся в результате принятия массой (стихийно или под влиянием внешних факторов) одинаковых норм поведения. Поэтому западные исследователи и стремились описать феномен «массовости».

Но что же все-таки порождает многообразие идеологических стандартов? Если они коренятся в сознании самого человека, а не являются продуктом манипулирования, то почему самые различные представления людей оформляются в конкретные чувственно-образные комплексы, в готовые мыслительные формы? Нельзя ли отыскать прототипическую основу этих духовных фикций? Вот круг вопросов, который пытался осветить Вильфредо Парето — один из классиков западной социологии¹.

¹ См.: Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А. Зотова. М., 2007; Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М., 2011.

Концепция Парето отразила различные, подчас прямо противоположные, интеллектуальные традиции конца XIX — начала XX в. С одной стороны, она тяготеет к либеральной, утилитаристской и рационалистической философской ориентации, истоки которой уходят в английскую школу политической экономии и социальные теории Бентама, Милля и Конта. С другой стороны, Парето воспринял индивидуалистическую психологическую традицию, связанную с именем Ницше.

В частности, Парето не оспаривает тезис Ницше о том, что в мифе, в иллюзии нет истинного содержания. Но он полагает, что за любой фикцией можно отыскать некую конкретность, которая хоть и не способствует познанию реальных явлений, действительных исторических процессов, тем не менее указывает на истоки идеологических образований. Следовательно, задача состоит в том, чтобы раскрыть чисто формальную социальную механику, объясняющую функционирование иллюзий.

Общество, по мнению Парето, представляет собой некую социальную систему, определенный конгломерат индивидов. Внутренне эта система тяготеет к равновесию, которое, однако, постоянно нарушается. Поэтому нет оснований рассматривать общество в качестве целостного феномена (как это получалось, например, у Э. Дюркгейма), а также подходить к человеческому поведению на основе позитивистской методологии (что пытался сделать М. Вебер), потому что индивид — молекула общества — ведет себя нелогично.

Значит, социологические закономерности не носят объективного характера. И все же на основе обширного эмпирического опыта можно утверждать, что в социальном поведении нередко обнаруживается «единообразие», шаблонность поступков, стандартность мыслительных актов. Вот эти общие реакции людей можно, по мнению Парето, систематизировать и классифицировать.

Эмпирически фиксируемое разнообразие человеческих поступков Парето сводит к двум типам: 1) логические действия, 2) нелогические действия. Ход рассуждений Парето примерно таков. Конечно, индивид в повседневной жизни размышляет, то и дело выдвигает логические доказательства, подвергает факты рассудочному анализу. Но означает ли это, что он поступает разумно, всегда соотносит свои поступки с логикой? Ничего подобного. Мотивы поведения людей более обширны. Например, торговец на бирже действует логично, пока он размышляет и неуклонно следует аналитической схеме. Но тот же человек доверяет кроме ума еще и приобретенным навыкам, собственным эмоциям, интуиции. Эти мотивы и вызванные ими действия Парето определяет как «нелогические». «Логические

действия, по крайней мере в своей основе, являются результатом размышлений, — писал В. Парето, — нелогические действия определяются психическим состоянием (чувствами, подсознанием и пр.)».

Исследуя соотношение логического и иррационального, социолог уделил особое внимание специфическим проявлениям псевдосознания, создающим, по его мнению, сложную механику политической мифологии. Сфера логических действий, согласно концепции Парето, крайне ограничена. Основу человеческого поведения составляют особые психические процессы, в которых выделяются так называемые остатки (резидиумы) некие изначальные иррациональные, инстинктивные мотивы поведения людей. Чтобы добраться до главных побудительных причин действий человека, надо последовательно устранить всякие внешние, побочные, неважные мотивы. После такого «вычитания» можно добраться и до остатков, то есть до запятанных и не устранимых импульсов. Это инстинкты и страсти, влечения и корыстные побуждения.

Однако иррациональные начала, по мнению Парето, нуждаются в рассудочном, логическом оформлении. Вот почему на базе инстинктов складываются лжерационализации, псевдообъяснения, мифы. Эти производные от остатков явления Парето называет деривациями. Деривации выступают как аргументы, оправдания, рассуждения и псевдодоказательства, с помощью которых ценностные суждения предстают как фактически объяснимые, логически обоснованные. «Люди руководствуются своими чувствами и интересами, — пишет Парето, — но им угодно представлять, что они руководствуются разумом; кроме того, стоит им пожелать, и они найдут всегда теорию, которая с запозданием придаст их действиям логическую окраску».

Парето выступал против социального прогресса, гуманизма, либерализма; разделял точку зрения Ницше, согласно которой рационализм основывается на ложном понимании человеческой природы как разумной, что якобы существенно обедняет представление о социальной жизни. Отсюда демонстративный скепсис по отношению к научному знанию, проповедь культурно-исторического релятивизма, откровенная абсолютизация иррационализма.

Трактовка рационального и иррационального в марксистской философии принципиально отличается от выводов Парето. Всемирная история есть основанный на объективных закономерностях процесс, а не хаос несвязанных фактов, фатально предопределенных страстями и тайными влечениями людей. Революционное преобразование мира, разумная ориентация людей, их социальной деятельности возможны только

при условии объективно-истинного познания законов общественного и природного развития. Такой подход позволяет преодолеть абстрактную постановку вопроса в форме как отвлеченно-прогрессивистской, так и иррационально активистской.

Мир сам по себе ни рационален, ни иррационален. Абсолютизация представления о его всепроникающей рациональности так же несостоятельна, как и убеждение в его фатальной иррациональности. К чему ведет наивно-прогрессивистский тезис о всеохватной упорядоченности мира, мы видели на примере концепций просветителей XVIII в. с их пафосом разума, знания и основанного на них прогресса. Вневременная, внеисторическая понятая, всегда тождественная себе «разумность» рассматривалась просветителями как универсальное средство совершенствования общества. Прогресс осмыслился только как результат распространения истинных идей, которые постепенно устраняют загадки и чудеса мира, пропитывая его светом разумности. С другой стороны, превращение действительности в иррациональный хаос, где само рациональное есть лишь показная форма, оболочка принципиально иррационального мира, приводит Парето и других мыслителей, по существу, к дискредитации разума и просвещения.

Надо заметить, впрочем, что иррационалистическая ориентация концепции Парето не помешала его попыткам с более широких позиций подойти к изучению массовых идеологических процессов. Он, в частности, обратил внимание на роль психологии в исследовании духовных явлений: «Психология — это, очевидно, основа всех социальных наук. Может быть, придет день, когда мы сможем из принципов психологии вывести законы социальной науки, как, может быть, однажды из принципов строения материи с помощью дедукции будут выведены законы физики и химии... Но эти надежды еще далеки от их реализации».

Кроме того, Парето обратился к непосредственному изучению практики буржуазной пропаганды. Он едва ли не первым из европейских социологов заинтересовался содержанием журналистских материалов. (Впоследствии Т. Адорно, например, изучал газетные клише, расхожие стереотипы массовой пропаганды и т.п.). Правда, итальянский социолог ссылается главным образом на популярные изречения, цитаты из Библии (на своеобразную «пословичную философию»), на ключевые пропагандистские слова, а не на содержание последнего номера газеты. Однако связь концепции идеологии, разработанной Парето, с повседневной буржуазной пропагандой несомненна.

Парето предпринял неосуществимую, по сути дела, попытку дать классификацию всех иллюзорных

образований, используемых буржуазными политиками и журналистами, инвентаризировать язык пропаганды. С этой целью он разделил все деривации, то есть идеологические фикции, кочующие по страницам буржуазных изданий, на четыре класса. Поскольку каждый класс включает в свою очередь подклассы, получилась довольно сложная классификация, долженствующая объяснить функционирование духовных стандартов в капиталистическом обществе как психологически (путем описания влечений человека), так и социологически (через раскрытие самой структуры политической мифологии).

Классификация Парето, как нам кажется, в известной мере перекликается с бэконовской концепцией «идолов»². Разумеется, она не совпадает с типологией «идолов» сознания во всей своей конкретности. Речь идет лишь о некоторых закономерностях, определяющих работу ума, на которые указывают и Бэкон и Парето. Зачастую те процессы, которые описал английский мыслитель, обнаруживаются у итальянского социолога, причем предрассудки здесь охарактеризованы более конкретно, эмпирически наглядно.

Деривации первого класса, по мнению Парето, формируются из естественной потребности человека выразить, закрепить словесно, в виде своеобразной житейской «мудрости», накопленные впечатления, «резоны» повседневности, собственные эмоции, в которых, естественно, выражен смысл пережитого. Конечно, обыденное сознание отражает лишь стихийный опыт, далеко не обязательный для всех, но человек склонен опираться на него, стремясь, по словам Парето, изречь некую «истину». Здесь ему на помощь приходят библейские тексты, различного рода традиционные запреты, житейские прописи. Не потому ли, заметим, такую популярность приобрела упоминаемая нами «пословичная философия»?

Бэкон тоже отмечал общую для всех людей способность обращаться к эмпирическому опыту. Но Парето указывает на такие факты, когда идеологическая фикция выглядит как продукт зрелого размышления, а на самом деле служит словесным оформлением эмоции. Например, изречение типа «лучше страдать от несправедливости, чем совершать ее», разъясняет Парето, вовсе не является итогом логических умозаключений. Оно есть отвлеченное обозначение переживаемого чувства. Или, скажем, высказывание «женщину украшает скромность» — это не что иное, как выражение чувства, претендующее, однако, чуть ли не на роль теоретической фиксации, потому что «оформлено» как заповедь.

² См.: Бэкон Ф. Великое восстановление наук // Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1971. С. 73-74; 307-310.

Второй класс дериваций обусловлен тем, что люди психологически склонны выступать в роли консерваторов и новаторов. Такая позиция порождает суждения разного типа, которые опять-таки выражают не истину, а стремление придать собственным влечениям логичность. Здесь снова приходят на память рассуждения Бэкона об «идолах пещеры».

Консерваторы нуждаются в авторитете, подчеркивает Парето, который санкционировал бы их «мудрость». Так возникает потребность в ссылке на разные источники — на одного человека или на «других», на традиции, обычаи или нравы и т.п. Новаторы также ищут опору в таких ссылках, прибегая лишь к определенным комбинациям источников. Вот почему наиболее эффективной, по мысли Парето, оказывается личностная подача материала в пропаганде. Читатель через комплекс ссылок переживает свою психологическую близость к конкретной персоне, которая распространяет идеологические фикции. Причем не так уж важно содержание самого сообщения. Одни и те же духовные стандарты могут находить питательную почву у разных людей — консерваторов и новаторов, если только авторитет, к которому обращается пропагандист, воспринимается как «свой», «близкий» и т.д. При этом, как отмечает Парето, греки все находили у Гомера, римляне — у Вергилия, итальянцы — у Данте. «Хорошо известно, как обстоит дело с Библией и Евангелием. Трудно сказать, чего в этих книгах нельзя было бы найти».

Третий класс дериваций представляет собой обращения к общепринятым чувствам и принципам. Это, во-первых, ссылки на «общее мнение», в частности пословицы, поговорки и другие сентенции; во-вторых, логические оправдания собственного интереса, своей выгоды; в-третьих, обоснования коллективного интереса; в-четвертых, всякого рода обращения к общепринятым нормам, к абсолютной морали и абсолютному закону; в-пятых, поиск абстракций типа «справедливость», «истина», «демократия»; в-шестых, опора на религиозно-этические системы вроде учения Августина Блаженного. Речь идет, следовательно, о таких фикциях, которые, обладая многозначным смыслом, выполняют интегрирующую функцию, то есть объединяют помыслы и представления людей. При этом Парето исходит, по существу, из ложной посылки, будто все эти духовные образования лишены реального содержания, а стало быть, понятия «истина», «демократия», «равенство» есть не что иное, как обыкновенные идеологические фикции, отражающие «квазилогичное» «общее мнение».

Бэкон тоже подчеркивал, что некоторые слова, например «счастье», приобретают у разных людей неоди-

наковое значение. Однако семантическое (смысловое) богатство этого понятия вовсе не свидетельствует о его абсолютной бессодержательности и иллюзорности. В еще большей мере это относится к политическим терминам. Такие понятия, как «справедливость», «равенство», «свобода», разумеется, допускают самое различное истолкование. Но означает ли это, что данные слова лишены фактического конкретно-исторического содержания? К. Маркс и Ф. Энгельс, как уже отмечалось, показали, что «истина», «вечная справедливость», «равенство имели для мыслителей XVIII в. определенный смысл и в этом качестве вовсе не были абстракциями, провоцирующими бесплодную массовую активность».

Четвертый класс дериваций порожден, согласно Парето, готовностью человека спорить, выдвигать доводы. По его мнению, есть некие реальные, объективно существующие вещи (понятия). Они обозначаются разными терминами, многие из которых лишены определенности. Таковы известные из формальной логики софизмы, а также обозначения действительных событий или фактов таким набором слов, который позволяет достигнуть нужного пропагандистского эффекта.

Парето иллюстрирует эту мысль следующим примером. Можно сказать, допустим, «кража», а можно — «экспроприация». Суть, по мнению итальянского социолога, одна, а эмоциональные оттенки совсем разные. Но в том-то и дело, что слова эти не одинаковы по смыслу: «экспроприировать» — значит открыто (а не воровским образом) передать собственность в руки законных владельцев. В оценке этого понятия обнаруживается, прежде всего, классовая позиция Парето, его ненависть к революционным действиям. Но, с другой стороны, не подлежит сомнению тот факт, что одно и то же явление или процесс можно обозначить множеством слов, каждое из которых имеет различную эмоциональную интенсивность. Выражения «он врет» или «он уклоняется от истины» при сохранении одинакового смысла обладают оттенками, чрезвычайно важными для того, чтобы возбудить к тому или иному человеку определенное эмоциональное отношение. Здесь перед массовой пропагандой открываются возможности для формирования оценок, скрытых значений и тому подобных эффектов. Можно сказать, поясняет Парето, «Орест — мститель за отца». Но не составит труда сформулировать суть этого греческого сюжета иначе: «Орест — убийца матери». Эмоции тотчас же обретут совсем иную направленность, угодную идеологу, манипулирующему пропагандистскими стандартами.

Идеолог имеет возможность гибко оперировать разными словами вроде «свобода», «прогрессивный», «современный», которые, заключая в себе расплывчатое содержание, позволяют создавать впечатление, будто имеется в виду нечто жизненно важное именно для данного индивида, для его специфических интересов. Отсюда, по мнению Парето, сила пропаганды, влияние ее идеологических шаблонов.

В различных идеологических системах, по мнению Парето, обнаруживается определенное сходство наиболее активных духовных стандартов; скажем, в любой идеологии можно отыскать образ «врага», ни одна система воззрений не обходится без постоянных ссылок на злонамеренность некоего «противника», которого нужно изобличить, подвергнуть моральному бичеванию и уничтожить; в той же мере можно говорить о неизменной фигуре «избавителя» и т.д.

Эту мысль Парето развивают сегодня многие социологи, сохраняющие верность иррационалистической трактовке идеологии. Они подчеркивают, что в интеллектуальной истории функционируют, в сущности, одни и те же идеологические стандарты. Комментируя взгляды Парето, французский социолог Р. Арон, например, отмечает, что «различие между религиозными и политическими идеологиями — это различие по форме; подобие между ними — это подобие сущностей»³. Получается, что все идеологии с точки зрения политической мифологии ничем не отличаются друг от друга.

С другой стороны, подчеркивается способность идей включаться в различные духовные комплексы, обслуживать различные по своей классовой ориентации социальные движения. Так, швейцарский философ Л. Халле приходит к выводу, будто идеологический способ восприятия и оценки мира состоит в упрощенной картине реальности, когда богатство социальных отношений редуцируется до примитивного противопоставления «добра» и «зла», когда те или иные процессы, протекающие анонимно, преднамеренно олицетворяются в образе конкретного человека, чтобы вызвать моральное осуждение или, наоборот, восхищение «избавителем», «наставником», «героем». Все это Халле называет «идеологическим воображением».

Еще определеннее формулировка канадского социолога Л. Фойера: «Идеология — не мышление»; ведь те или иные духовные стандарты коренятся в психологии человека. Именно поэтому идеологии отличаются подобием, схожестью; люди всегда, на любом отрезке времени переживают «знакомые» чувства: кого-то прославляют, кого-то оценивают как врага. Фойер

пытается доказать, будто в идеологии любого класса, любого массового движения можно найти постоянные элементы — «миф освобождения», «миф избавления», «миф повергнутого кумира» и т.д. Эти идеологические фикции, включаясь в пропаганду, обслуживают то «левые», то «правые» силы. После того, как легенда об «освобождении» активизирует массы, она вовсе не исчезает, а помогает диктатору, пришедшему к власти, обосновать свое господство. Миф, стало быть, может обслуживать различные политические программы, обнаруживая якобы тем самым свою мировоззренческую нейтральность⁴.

Попытки В. Парето и его последователей свести многообразную идеологическую деятельность различных классов и партий к мифологии не выдерживают критики. При таком подходе получается, будто история развивается стихийно, активность масс постоянно провоцируется духовными стандартами, лишенными реального содержания, а суть всякой пропаганды состоит в фабрикации иллюзий. Конечно, предпринятая Парето классификация идеологических стандартов позволила показать действительный облик идеолого-пропагандистской практики буржуазии. Стремление проникнуть в самое «ядро» духовных образований обнажает механизмы ложного сознания. Но это вовсе не означает, будто в истории господствуют одни иллюзии, которые создаются разными классами, стремящимися к власти, или заимствуются ими из древнего арсенала мифологии.

Идеи, сколь бы превратно ни отражали они действительность, порождаются в конечном счете социально-экономической практикой. Поэтому в них всегда заключено реальное, «естественно-историческое» содержание и их нельзя оценивать лишь как продукт «умышленного лицемерия», сознательного обмана людей и т.д. Отсюда вытекает необходимость тщательного анализа исторической оправданности тех или иных идей и лозунгов.

Лозунги «свободы», «равенства», скажем, вовсе не фикции. Они вполне достижимы, но путь к их реализации не прост, он лежит через превратные, исторически объяснимые толкования данных лозунгов. И просветители, и господствующая буржуазия, и восставший пролетариат говорят о «свободе» и «равенстве». Но это не означает, будто одни и те же идеалы обслуживают разные социальные силы, ибо содержание этих лозунгов не совпадает. Просветители действительно добивались равенства и свободы, хотя и «не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»⁵. Буржуазия,

³ Aron R. Interpreting Pareto // Encounter. November 1976. Vol. XLVII. № 5. P. 46.

⁴ Feyrer L. Ideology and Ideologists. L., 1974. P. 40.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 17.

заинтересованная в сохранении своей власти, напротив, придала этим лозунгам характер идеологических фикций, превратив идеалы справедливости, свободы, равенства и братства в основы иллюзорно-манипулятивного мировоззрения, в своеобразную начинку «современной мифологии»⁶. Причем действенность этой мифологии находится в прямой зависимости от степени ее распространенности. Поэтому буржуазная пропаганда широко использует прессу и телеграф как средства тиражирования необходимых ей мифов. «До сих пор думали, — писал К. Маркс, — что создание христианских мифов было возможно в Римской империи только потому, что еще не было изобретено книгопечатание. Как раз наоборот. Ежедневная пресса и телеграф, который моментально разносит свои открытия по всему земному шару, фабрикует больше мифов (а буржуазные ослы верят в них и распространяют их) за один день, чем раньше можно было изготовить за столетие»⁷.

Факты чуть ли не всепроникающего воздействия буржуазной пропаганды и пытался осмыслить Парето. Почему откровенная демагогия буржуазных политиков находит отклик среди избирателей? Почему

сознание масс оказывается как бы приуточенным к восприятию политической мифологии? Ставя эти вопросы, Парето не смог выйти за рамки классово ограниченных представлений, не понимая, что в самой социально-исторической практике возникают те или иные предрассудки, иллюзии масс, которые затем поддерживаются и эксплуатируются буржуазией. Тем более он прошел мимо революционной борьбы против капитализма, в ходе которой происходит разрушение иллюзий, освобождение от них, усвоение научной социалистической идеологии, что и делает возможным трезвый анализ трудящимися собственного социального опыта.

В русле социологии, ставящей проблемы пропаганды, концепция Парето открыла широкие перспективы для последующего анализа массовых идеологических процессов. Теперь речь шла о том, чтобы с позиции наметившейся, якобы «позитивной» методологии объяснить конкретный механизм функционирования пропагандистских мифов. Возникла задача охарактеризовать конкретные фикции и образы, свойственные различным социальным группам.

Список литературы:

1. Бэкон Ф. Великое восстановление наук // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1971. С. 73-74; 307-310.
2. Кара-Мурза А.А. Как мысли превращаются в доктрины // Вестник аналитики. 2013. № 2. С. 147-156.
3. Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А. Зотова. М., 2007.
4. Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М., 2011.
5. Раймон Арон. Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисловие П.С. Гуревича. М., 1993.
6. Спирова Э.М. Идолы сознания на пути к пониманию // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. С. 48-53.

References (transliteration):

1. Bekon F. Velikoe vosstanovlenie nauk // Bekon F. Sochineniya v 2-h t. T. 1. M., 1971. S. 73-74; 307-310.
2. Kara-Murza A.A. Kak mysli prevraschayutsya v doktriny // Vestnik analitiki. 2013. № 2. S. 147-156.
3. Pareto V. Kompendum po obschey sociologii / per. s ital. A.A. Zotova. M., 2007.
4. Pareto V. Transformaciya demokratii / per. s ital. M. Yusima. M., 2011.
5. Raymon Aron. Etapy razvitiya sociologicheskoy mysli / obsch. red. i predislovie P.S. Gurevicha. M., 1993.
6. Spirova E.M. Idoly soznaniya na puti k ponimaniyu // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2006. № 1. S. 48-53.

⁶ Там же. Соч. Т. 34. С. 234.

⁷ Там же. Соч. Т. 33. С. 215.